

Ананасовый квас

Андрей осознал вдруг, что давно перестал чувствовать запахи. Нет, не то, чтобы он совсем их не ощущал – с физиологией у него было все в порядке. Когда негры заходят в лифт или собака положит под окном кучу, нос Андрею не изменяет. Дело в другом – в первые годы по приезде в Преторию он остро чувствовал пьянящую смесь цветочных ароматов и этот неповторимый африканский запах, исходящий от красной земли, зеленых свежестриженных газонов, пожухлой травы на склонах холмов и от воды, медленно бегущей вдоль узких русел, которые здесь именуют реками, хотя по российским меркам больше, чем на ручьи, они не тянут. Теперь же это ощущение запахов куда-то исчезло.

Здесь постоянно что-то цветет. В январе, когда лето в самом разгаре, клумбы, разделяющие встречные полосы дорог, покрываются розами, маками, разноцветными ромашками и еще Бог знает чем. Яркие пятна цветов бросаются в глаза всегда и повсюду. В течение года начинают цвести то одни, то другие деревья. Это всегда очень контрастно и поразительно, подобно буйной расцветке маленьких рыбок, привезенных из южных морей.

Андрей не очень интересовался названиями местных растений, поэтому, случись такая оказия, не смог бы наверно описать, что и когда цветет. Впрочем, он не смог бы сделать этого и дома – в Подмосковье, да, пожалуй, и в родной Сибири. Окружающую природу он воспринимал в целом, не разделяя ее на части и не прикрепляя к этим частям ярлыки. В память его врезалось только то, что более всего поражало своей необычностью и красотой. Так, он мог бы рассказать о коралловом дереве, которое в сентябре покрывается ярко-красными цветами, еще не имея листьев, о вьющемся кустарнике бугенвилль, также цветущем весной, и, конечно же, о джакаранде – дереве, ставшем символом Претории. Эти деревья, растущие вдоль большинства улиц, величиной с раскидистый тополь. Летом они делают город тенистым. К концу зимы, в августе, они сбрасывают листья, а в октябре их голые ветки вдруг покрываются миллионами лиловых цветов, формой и величиной похожих на лесные колокольчики. Вся Претория на время как бы окутывается сиреневой дымкой. Колокольчики падают и засыпают тротуары сиреневым снегом.

А вот сейчас, среди зимы, расцвели алоэ. Когда-то давным-давно, еще в прошлой, или скорее в позапрошлой жизни, у бабушки на подоконнике стоял горшок с алоэ. Андрюша тогда не понимал, почему эти мясистые колючие веточки называют цветком: он ведь всегда оставался зеленым. Бабушка тоже не могла этого объяснить, но берегла свой алоэ пуше, чем ярко-красную герань. Случись какая ссадина или нарыв, она осторожно отрезала кончик его зеленой веточки и прикладывала к больному месту. Андрюша тоже научился уважать это целебное растение. Не раз и не два его нежно-зеленая мякоть заживляла содраные коленки и порезы на пальцах.

И вот здесь, на юге Африки, Андрей, увидел, наконец, что это и вправду самый настоящий цветок. Алоэ растут здесь повсюду: как бурьян по обочинам дорог, на склонах холмов, на клумбах, но привычного нам пиитета к этому благородному растению ни у кого нет. Может, потому и нет, что слишком их много. А может просто не знают всех его замечательных качеств. По сравнению с бабушкиным, местные алоэ выглядят гигантами. Высотой в человеческий рост, они образуют целые заросли, глядя на которые почему-то вспоминаются фантастические картины из фильмов о динозаврах.

В июне, когда ночная температура падает почти до нуля, а дни делаются похожими на солнечные, но студёные дни на исходе подмосковного бабьего лета, алоэ расцветают. На каждом кусте появляется несколько десятков красных елочек, по форме

напоминающих свечки каштанов. При близком рассмотрении это цветы, состоящие из множества заостренных красных цилиндриков, торчащих в разные стороны.

В первые годы Андрей старался не пропускать пору их цветения, выкраивал время, чтобы пойти полюбоваться этими доисторическими цветами. В университете, где он работал, был небольшой сад алоэ. Андрей садился на скамейку в самом его центре и неотрывно смотрел на цветы, созерцал их подобно японцу.

Теперь, когда среди этой чудесной природы прожито уже десять лет, все сделалось привычным и обыденным. Ушла новизна и свежесть восприятия. Пальмы в собственном дворике он и не замечает, как когда-то не обращал особого внимания на осины, стоявшие вдоль дорожки, где гулял с маленькими дочками. Удивительнее всего то, что он перестал ощущать запахи. Конечно, если бы сейчас дохнуло прелой листвой сырого подмосковного леса, в душе Андрея наверняка что-нибудь шевельнулось бы. А вот поди ж ты, африканские запахи эмоций больше не вызывают.

Остановившись на перекрестке у ворот университета, Андрей отвлекся от своих мыслей. Вспомнилась строка из песни, которую когда-то пел Олег Онофриев: «... левый поворот – осторожней, шофер!». Только здесь все наоборот: руль справа, ехать надо по левой стороне, а поворот опасен тот, что направо. Вдоль университетских ворот идет оживленная улица. Заехать с нее направо во двор университета по утрам всегда бывает трудно. Зеленая стрелка светофора, позволяющая это сделать, мигает секунд пять. Так что проскочить успевают лишь три-четыре машины, а желающих гораздо больше. Приходится либо проезжать, когда загорается красный, успевая перед теми, кто едет с поперечной улицы, либо проскакать между идущими по встречной полосе. Не просто и то, и другое, но за многие годы Андрей наловчился делать это почти на автопилоте.

Андрей был первым в очереди на поворот. Он медленно выдвинулся на середину перекрестка, выжидая подходящего интервала в потоке встречных машин – светофор должен был вот-вот переключиться. Когда он стал желтым, Андрей приготовился. Две встречные машины, уже приблизившиеся к перекрестку, прибавили скорости. Они в любом случае не смогли бы остановиться перед светофором, и их следовало пропустить. А вот ехавший за ними микроавтобус – маршрутное такси для негров – должен был остановиться. Он и впрямь стал замедляться. Андрей решительно двинулся вправо. Боковым зрением он вдруг заметил, что водитель микроавтобуса передумал и поддал газу. Сердце Андрея оборвалось. Спина и руки мгновенно похолодели. Времени для раздумья не было – скорее инстинктивно, чем осознанно, Андрей вдавил педаль газа до самого пола. Его тойота взревела, завизжала покрывками и прыгнула вперед. Микроавтобус прошел сзади в нескольких сантиметрах.

Андрей не увидел, но почувствовал это. Взгляд его был с ужасом устремлен вперед. Набрав приличную скорость, тойота с Андреем неслась на фольксваген, который еще не успел пройти ворота и стоял в хвосте вереницы других машин. Перкинув ногу на тормоз, он давил педаль, что было сил. Машина вновь завизжала. Время как будто растянулось. Как в замедленном кино, Андрей надвигался на стоявший впереди фольксваген и чувствовал, что удара не избежать. В отчаянии, он повернул руль влево, к пешеходной дорожке, которую отделял от дороги бетонный бордюр высотой сантиметров двадцать. Ударившись о него колесом, тойота подскочила и замерла, неуклюже водрузив это колесо на бордюр. Студенты, шедшие по тротуару, с криками шарахнулись в стороны.

Сердце Андрея колотилось. От удара слетели очки. Он пытался найти их рукой, но нагнуться мешал ремень безопасности, который в момент удара уберек его от возможных синяков. Повернув ключ, Андрей заглушил мотор и дрожащей рукой отстегнул ремень. Пережитый страх сменился негодованием. Оглянувшись, он посмотрел на удаляющееся такси и громко выругался тирадой из русских слов, которых давно уже не слышал и тем более не говорил сам.

Сзади остановился мерседес, из которого вышел пожилой элегантно одетый мужчина профессорского вида и подошел к Андрею. Ошарашенный, Андрей не сразу сообразил, что к нему обращаются на языке африкаанс, фламандском наречии местного белого населения – буров. Андрей так и не выучил его. Поняв это, профессор перешел на английский и с сильным бурским акцентом поинтересовался, не пострадал ли Андрей и не нужна ли ему помощь.

– Я в порядке. Спасибо! – ответил Андрей.

– Эти черные за рулем просто бедствие. Он Вас чуть не убил. Я был сзади и все видел. Куда только полиция смотрит!

Профессор встал на колени и заглянул под машину. Осмотрев ее и что-то потрогав, он сказал:

– А Вы легко отделались. Машина, кажется, не пострадала. Вы хороший водитель. Я думал, врежетесь, но Вы быстро среагировали.

Андрей что-то промямлил про коробку передач, пытаясь выдавить улыбку. Профессор тут же пустился в рассуждения о достоинствах автоматической трансмиссии. Как и любой бур, он не мог не поддержать разговора об автомобилях. В этой стране никогда не было общественного транспорта, или почти не было. Поэтому люди с детства привыкали передвигаться самостоятельно и относились к средствам передвижения с уважением и любовью, подобно тому, как казаки относились к лошадям. Встав с колена и отряхнув брюки своего дорогого костюма, профессор оглядел улицу.

– Надо Вашу тойоту скорее снимать с бордюра, – сказал он, – а то сейчас подскочат спасатели или полиции придется долго все объяснять.

– Я просто сейчас сдам назад, благо колесо через бордюр не перескочило.

– Пойдите, пойдите. Так нельзя. Опять будет удар. Можете подвеску повредить. Тут надо медленно съехать. За воротами лежит куча кирпичей. Я сейчас принесу несколько штук. Подложим их так, чтобы колесо не упало с бордюра, а плавно по ним съехало.

Профессор ушел, а Андрей остался стоять у машины все еще в состоянии шока. Мимо ехали другие машины, огибая и мерседес, и тойоту. Задранное вверх колесо вызывало любопытство. Но никто больше не останавливался и не предлагал помощи. Наверное, думали, что столкнулись две стоявшие тут машины. Дело житейское, как говорится.

С поперечной улицы, что идет прямо в ворота и носит очень простое название «Университетская», подъехала полицейская машина, сверкая мигалкой на крыше. Из нее вышли двое белых в форме дорожной полиции. Сразу было видно, что это буры. Что-то характерное, трудно объяснимое всегда отличает их от англичан: может быть, упитанность и неспешность, а может быть, хозяйский взгляд. Впрочем, откуда здесь в Трансваале взяты англичанам, служащим в полиции. «Наверное, университетские охранники позвонили или какой-нибудь доброжелатель», – подумал Андрей.

Поздоровавшись, они стали что-то спрашивать. Андрей сказал, что не говорит по-африкаанс и, не дожидаясь повторения вопроса, смысл которого был очевиден, рассказал им о происшествии. Буры слушали внимательно и флегматично. Никаких эмоций на их лицах заметно не было. Один из них, по-видимому младший по званию или должности, обошел вокруг тойоты и постучал носком ботинка по ее задранному вверх колесу. Другой попросил Андрея предъявить водительские права.

Взглянув на них, он поднял глаза на Андрея, потом снова стал разглядывать права и кивком подозвал своего напарника. Взяв права в руки и рассмотрев их, тот стал что-то бормотать себе под нос. Затем покачал головой и спросил:

– Как произносится Ваша фамилия?

– Щекочихин. Это русская фамилия, – ответил Андрей, опережая следующий вопрос.

– Я бы не смог такое выговорить, – сказал полицейский и улыбнулся.

– Так Вы русский?! – вступил в разговор его начальник, каменное лицо которого смягчилось. – Я никогда не встречал русских. У вас очень хорошие теннисисты и еще ... пистолеты. Вам нравится Южная Африка?

– Климат здесь замечательный, наверное, самый лучший в мире. – дипломатично ответил Андрей. Оба бура довольно закивали головами. Младший полицейский вернул Андрею права и спросил:

– А этот мерседес что тут делает?

Андрей не успел ответить. За его спиной раздался голос хозяина машины. Положив кирпичи на асфальт, он начал что-то говорить полицейским на своем фламандском наречии. По его жестам было ясно, что он вновь во всех подробностях описывает случившееся. Его рассказ полицейские слушали с гораздо большим вниманием и участием. Следы надменности и скуки с их лиц исчезли.

– Вы не запомнили номер этого таксиста? – обратился к Андрею старший полицейский.

– Нет. Вы знаете, все произошло так быстро.

– Будьте поосторожней с черными.

Оглядевшись и понизив голос, полицейский доверительно добавил:

– Совсем еще недавно мы их в город не пускали. А теперь посмотрите – в ягуарах раскатывают. Но обезьяна все равно останется обезьяной, даже если галстук наденет и очки.

Андрей улыбнулся. Он не стал говорить, что прожил в стране уже десять лет и повидал всякого.

– Вы слышали? – вступил в разговор второй полицейский. – Они собираются переименовать Преторию. Теперь наш город будет называться «Сити оф Тсване». На каком-то из их черных языков «тсване» означает маленькая обезьянка. Так что будет Город Обезьян.

– Приведут название в соответствие с реальностью, – вполголоса сказал профессор и кинул вопросительный взгляд на Андрея. За годы, прожитые в этой стране, Андрей привык к таким осторожным попыткам «наладить контакт». Буры, как правило, доверяют друг другу и обходятся без подобного «прощупывания». А вот к иностранцам многие из них относятся с опаской – а то могут ведь и в расизме обвинить.

Все, включая Андрея, засмеялись. Это послужило своеобразным отзывом на «пароль». Профессор стал укладывать кирпичи лесенкой у бордюра под колесом. Андрей подавал кирпичи. Полицейские молча наблюдали за работой, сунув руки в карманы брюк.

– Ну, садитесь, – сказал профессор, когда лесенка была выложена, – теперь все будет о'кей.

Андрей сел в тойоту и завел двигатель. Проезжавшая мимо машина замедлилась было, но один из полицейских решительным и властным жестом отправил ее вперед. Другой шагнул на середину дороги и перекрыл движение. Профессор присел на колено и, не спуская глаз с колеса, стал давать команды Андрею легкими движениями поднятой над головой ладони.

Тойота мягко съехала с бордюра. Не выключая мотора, Андрей вышел из машины, чтобы поблагодарить профессора и полицейских.

– Спасибо! Очень Вам признателен, – сказал он профессору по-английски и, повернувшись к полицейским, сказал им «спасибо» по африкаанс. Профессор ответил, что люди должны помогать друг другу, а полицейские расплылись в улыбках.

– Так вы говорите по африкаанс?! – спросил тот, который с самого начала показался Андрею старшим по званию.

– Да нет, я знаю лишь несколько слов, – ответил Андрей.

– А давно Вы здесь живете? – спросил все тот же старший полицейский.

– Десять лет уже.

– Правда?!! – в один голос воскликнули полицейские, а профессор с любопытством и удивлением вскинул брови.

– Собираетесь жить в Южной Африке? – спросил младший полицейский.

– Да, собственно говоря, я уже тут живу.

– Ну, тогда Вам непременно надо учить африкаанс, – заключил старший.

– Стараюсь, – безобидно лукавил Андрей, которому английского вполне хватало на все случаи жизни.

– А чем занимаетесь? – поинтересовался младший.

– Физику преподаю в университете, – ответил Андрей, но по слегка затуманенным взглядам полицейских он понял, что те не уловили, о чем идет речь. В школе здесь отдельного предмета «физики» нет. Она изучается как часть хаотической смеси из химии, биологии и еще Бог знает чего под общим названием «Естествознание». Полицейские, конечно же, слышали такое слово – «физика», но вполне могли спутать его с «физиологией». Поэтому, Андрей, которому не раз уже приходилось рассказывать бурам о своей работе, уточнил:

– Я физик-ядерщик.

Ядерная физика у любого бура вызывала ассоциацию с ядерной бомбой, а ее упоминание неизменно возвышало Андрея в их глазах, тем более что он был русским, которые, как им было известно, не только пьют водку и купаются в проруби, но еще и в космос летают, и бомбы атомные умеют неплохо делать.

– Ооо...!!! – только и сумели произнести они.

– Рады, что Вы поселились в нашей стране, – сказал старший полицейский и, обращаясь к профессору, доверительным тоном произнес:

– Русский ядерщик – невероятно; никогда раньше не встречал.

– Будьте, пожалуйста, поосторожней с этими черными, – почтительно добавил младший.

– Спасибо за помощь, – ответил Андрей.

Полицейские с уважением пожали ему руку, пожелали удачи и назвали свои имена – Пит и Йохан. Потом они перегородили дорогу, чтобы и Андрей и профессор въехали на территорию университета без помех.

– Если у Вас найдется пара минут, я бы хотел с Вами поговорить, – обратился профессор к Андрею, прежде чем сесть в свой мерседес.

– Да, конечно. Давайте остановимся сразу за шлагбаумом на гостевой парковке, а то здесь мы все мешаем.

Черные охранники открыли шлагбаум, не проверяя пропуска и не задавая вопросов. Андрей проехал мимо них без остановки, подняв правую ладонь в качестве приветствия. Сразу за ним проследовал мерседес профессора. Они остановились рядом и почти одновременно, на стоянке для гостей, которая в этот утренний час была еще свободной. Выйдя из машины, Андрей протянул руку, назвал свое имя и еще раз поблагодарил своего спасителя, который с теплым рукопожатием ответил:

– Рад познакомиться. А меня зовут Якобус Нельсон. Можете называть меня просто – Кобус. Я профессор истории. Как я понял со слов сержанта, Вы русский?

– Да я русский. А судя по Вашей фамилии, Вы должны быть англичанином? Но Ваше имя и манера говорить подсказывают мне, что Вы африканер.

– О..., это запутанная история. Один из моих далеких предков, от которого я и наследовал фамилию, был выходцем из Англии. У меня всю жизнь проблемы из-за этого недоразумения. Вы знаете конечно, что в нашей стране англичане и африканеры, ммм... как бы это получше сказать?... имеют некоторое предубеждение друг к другу и поэтому держатся несколько обособлено. Это уходит корнями во времена Англо-Бурской войны, а может быть, и дальше.

– Не так уж много здесь белых людей, чтобы им еще и делиться, – сказал Андрей.

– Да, Вы безусловно правы. Но предрассудки живучи. Впрочем, в последние годы англо-бурское отчуждение заметно сгладилось. Тем более, что появилось много новых иммигрантов из Европы – вот вроде Вас. А семья у Вас есть?

– Да, я женат. У нас три дочери. Они все учатся в этом университете.

– Чудесно! И все русские?! – на лице профессора появилось выражение какого-то детского восторга.

– Ну естественно, – с улыбкой ответил Андрей. – Они сейчас в России, поехали все вчетвером, навестить родственников.

– А где в России Вы жили? Это ведь очень большая страна.

– Недалеко от Москвы. А родился я в Сибири.

Профессор инстинктивно поднес руку ко рту, пытаясь скрыть изумление.

– Невероятно! Поразительно! Как много хотелось бы у Вас расспросить! Я столько читал о России и о Сибири. Наверняка многое из прочитанного неправда, – махнул он рукой, выражая досаду.

– Да. У нас тоже писали много небылиц о Южной Африке.

– Послушайте. А что Вы делаете в ближайшее воскресенье, то есть послезавтра? У меня будут гости – несколько хороших друзей. Мы собираемся вместе смотреть матч по рэгби. Ну, Вы знаете, наверное – финал чемпионата мира в Париже. Наша сборная будет громить англичан. Буду очень рад, если Вы к нам присоединитесь.

Андрей не любил и не интересовался ни рэгби, ни другой англо-бурской забавой – крикетом. К этим двум видам спорта и буры, и здешние англичане относились с почти религиозным почтением. У Андрея же они не вызывали ничего, кроме скуки. То ли дело хоккей или лыжи, но их здесь не показывали, даже когда весь мир смотрел зимние олимпийские игры. И все же, не желая выказать неуважение к столь дружески расположенному собеседнику, он не стал говорить об этом. Да и предлог, чтобы отказаться, у него был веский и невыдуманный:

– Спасибо за приглашение, но в воскресенье я никак не могу. С утра буду на службе в церкви, а после обеда наш священник попросил всех помочь кое-что сделать: светильники там какие-то повесить и еще что-то. Так что я буду занят весь день.

– Жаль, – с искренним сожалением покачал головой профессор. – А, кстати, в какую церковь Вы ходите?

– В русскую, конечно же. Это в Мидранде. Ее пять лет назад построили. Да Вы, наверное, видели золотые купола. Их заметно с шоссе, когда едете в Йоханнесбург.

– Аааа ..., да, да. Справа там что-то сверкает на солнце. Видел. Мне кто-то говорил, что у нас тут неподалеку есть русская церковь. Я все собирался разузнать поподробнее и сходить посмотреть. Теперь непременно схожу.

– Приходите. Кстати, среди наших прихожан есть несколько буров и англичан.

– Да что Вы говорите?! Они что, по-русски понимают?

– Ну, ... думаю, кое-что понимают – отдельные слова. Некоторые молитвы священник читает по-английски. А остальное они отслеживают по книгам. Ведь, в отличие от протестантских молитв, в православной литургии нет импровизации. Все четко следует одно за другим. Берите перевод и читайте.

– Интересно. Очень интересно! Вы меня заинтриговали. А не могли бы Вы дать мне свой номер телефона? Я не теряю надежды пригласить Вас в гости. Если не сейчас, то как-нибудь в другой раз.

– Да, пожалуйста. А где бы я мог его записать для Вас?

– Вот здесь, – профессор достал из внутреннего кармана пиджака маленький блокнотик с отрывными страницами и ручку «Паркер», которая сверкнула золотым пером, когда он снял колпачок, передавая ее Андрею. Андрей написал свое имя и номер сотового телефона. Потом, секунду поколебавшись, спросил:

– Можно, я оторву один листочек из этого блокнота и запишу Ваш телефон?

– В этом нет необходимости.

Из другого кармана профессор извлек небольшой пластиковый футляр, размером чуть больше спичечного коробка. Щелкнув застежкой, он достал оттуда и протянул Андрею картонную карточку:

– Вот моя визитка. Здесь вы найдете и мои телефоны, и адрес электронной почты. Звоните в любое время. Буду рад поговорить с Вами.

Взяв у Андрея свой блокнотик и «Паркер», он аккуратно закрыл колпачок и разместил все по карманам.

– Ну, не буду Вас дольше задерживать, Андрей. Вы ведь на работу спешили. Да и у меня лекция скоро начнется. Рад был с Вами познакомиться.

– Ой, ... а я забыл Вам написать адрес нашей церкви. Впрочем, я его и не помню, но могу нарисовать, как ехать.

Профессор улыбнулся немного снисходительно и похлопал Андрея по плечу:

– Не забывайте, что это моя страна. Здесь я всегда смогу найти дорогу, если знаю, что ищу. Тем более что Вы мне уже сказали, где искать. Уж золотые-то купола я никак не пропущу. Не так часто они встречаются в окрестностях Претории.

– Да, Вы правы, – смущенно ответил Андрей. – Спасибо еще раз. Увидимся. Да, ... служба в церкви начинается в половине десятого. Приходите.

Последних слов Андрея профессор уже не слышал. Он лихо отъехал с парковки и, махнув на прощание рукой, укатил в направлении факультета теологии. Оставшись один, Андрей осмотрел машину. Никаких следов повреждения заметно не было. «Ну и слава Богу» – подумал он. Но чувство какой-то тревожной рассеянности не отступало. Разговор с профессором отвлек Андрея от мыслей о том, что произошло, или скорее от того, что могло бы произойти. Теперь же все нахлынуло с новой силой. «Не буду Ольге говорить об этом», – подумал он, вспомнив о жене. – «Пусть там отдыхают спокойно».

Собравшись с силами, Андрей продолжил свой путь. Ехал он медленно, как, впрочем, и положено ездить по территории университета. Мысли все время куда-то уплывали, и приходилось заставлять себя концентрироваться на том, что происходило вокруг. Эти последние метров пятьсот до парковки у своего факультета Андрей проехал в таком напряжении, как будто в первый раз сел за руль.

Весь следующий день Андрей провел дома, благо была суббота. Планов на этот выходной у него было много, но после того, что случилось накануне, он решил отсидеться и успокоиться. Какой-никакой запас продуктов у него был всегда – наверное, по старой советской привычке. Поэтому крайней необходимости куда-то ехать не было. Он решил расслабиться: дочитал начатый с полгода назад детектив Джеймса Элроя, посмотрел любимый фильм «Ирония судьбы», а ближе к вечеру стал слушать бардов, сидя перед зажженным камином с бокалом виски, который время от времени пополнял из красивой бутылки, полученной в подарок на прошлое Рождество.

Песни Никитина, Визбора, Суханова ... – они, как бусинки ожерелья, были нанизаны на линию его жизни. Каждая воскрешала в памяти то какое-то событие, то давно пережитые печали и радости, а то и поворот судьбы, как было с песней Визбора «Солнышко лесное». Казалось бы, и мелодия у нее, и слова простые, но Андрей никогда не мог слушать ее без комка в горле. Под эту песню он когда-то давно в первый раз заглянул в глаза, в которых утонул потом навсегда.

Дрова в камине горели с легким гудением. Языки пламени завораживали своим хаотичным танцем. Казалось, они тоже слушали замысловатые аккорды Суханова и пытались вторить им переливами цвета и формы. Сняв каминную решетку, Андрей смотрел на огонь и слушал, а может быть слушал и смотрел – слияние музыки и танца пламени захватывало его какой-то гипнотической силой.

Лицо и руки вбирали тепло, которое приятной истомой растекалось по всему телу. В доме, как и на улице, было холодно. Зимний июнь был на исходе, но впереди были еще июль и август. Эта зима в Претории казалась Андрею самой холодной и долгой из всех десяти, что он прожил на юге Африки. Смешно вспомнить, но, кажется, совсем еще недавно он, как и многие в России, думал, что в Африке вообще не бывает зимы. Оказалось – бывает, да еще какая! Ночью температура падает почти до нуля, а окна в доме однослойные и плотно не закрываются, а под дверью щель в два пальца, а отопления нет никакого, и чуть не каждый день в прогнозе погоды можно услышать о новом холодном фронте, надвигающемся из Антарктиды на открытый всем ветрам Кейптаун. От Кейптауна до Претории, положим, более тысячи километров. Но ледяной дух Антарктики все равно доходит и заставляет ежиться от холода по вечерам и кутаться в несколько одеял по ночам. Очень похоже на начало октября в Москве, когда уже холодно, а отопление еще не включили. Но если в Москве это длится не более двух недель, то в Претории приходится мучаться три месяца – с конца мая по август.

«...Белый снег все быстрее кружит. Шаг за шагом следы исчезают ... За окном в тишине только ночь ...», – звучали слова Суханова, а Андрею вспомнилась маленькая уютная квартира, сугробы за ночным окном, раскачивающийся на ветру фонарь и головка маленькой дочки, мирно засыпающей на его плече. Ему нестерпимо захотелось вернуться в то счастливое время, полное маленьких радостей, детского смеха, озорных взглядов любимых глаз, надежд и устремленности в будущее. С высоты прожитых лет все тревоги, печали и разочарования перестроечной поры казались теперь ничтожными в сравнении с простым счастьем и теплотой семейного очага. Бытовые тяготы того времени тоже казались теперь не столь важными. Не было печенья к чаю – зато были самодельные сухарики из черного хлеба. Не было деликатесов – зато как вкусен был самодельный сыр и квашеная капуста. Приходилось стоять в очередях и ездить в переполненных автобусах – зато как радостно было возвращаться домой, где, заслышав звук открывающейся двери, к порогу бежали дочки с радостными криками, тянули вверх ручки, чтобы обнять, и наперебой рассказывали обо всем, что случилось за их долгий детский день.

Погрузившись в воспоминания, Андрей вдруг очень остро ощутил, что он необычайно счастливый человек. Ему не только повезло с женой и детьми, но и удалось без повреждений провести свою лодку по бурной, полной порогов и водопадов, бушующей реке революционных лет. Великое множество других таких лодок разбилось о камни, село на мель или попросту утонуло.

«Слава тебе, Боже! Прости меня, грешного!», – сказал Андрей вслух. Он не был очень религиозен и не умел молиться «как положено». Отставив в сторону бокал с виски, он встал, несколько раз неуверенно повернулся, пытаясь вспомнить, с какой стороны всходит солнце. Ему почему-то казалось, что молиться надо непременно на восток, хотя в комнате были и иконы. Найдя, наконец, правильное направление, он прочел «Отче наш» – единственную молитву, которую знал наизусть, и перекрестился. Потом сел в кресло и вылил в бокал то, что еще оставалось в бутылке.

Тяжесть вчерашнего потрясения стала как-то быстро отступать. Вместе с последним глотком виски она исчезла совсем. Андрей наконец пришел в себя. Он вовсе не был пьян. Да и с чего бы? Бутылка-то стояла в шкафу уже более полугода и была далеко не полной.

Андрей дотянулся до телефона и набрал российский номер. В трубке раздалось несколько щелчков и пошли протяжные гудки.

– Здравствуй, Оленька! – сказал он, когда на той стороне земли подняли трубку.

– Ой, Андрюша! А я как раз о тебе думала. Замечательно, что ты позвонил. А как ты узнал, что это я подошла к телефону?

– Не знаю. Как-то почувствовал. А может быть, просто был уверен, что это должна быть ты. Ну, как вы там?

– Чудесно! Девчонки в полном восторге. Говорят, что надо скорее возвращаться в Россию. Наташка сегодня сказала: «Здесь ведь можно по улицам ходить!». Я их отпускаю. Гуляют по городу сами ..., – Ольга рассказывала, куда они ходили и кого видели, а Андрей слушал и вспоминал, как по тем же улицам водил маленьких девочек, которые ни на шаг от него не отступали.

– А ты-то как там один? Молчишь почему-то... Что-то случилось?

– Да ничего. Просто тебя слушаю. Голос твой люблю – он как музыка.

– Мне тоже приятно твой голос слышать, но он какой-то не такой. Ты не заболел?

– Нет. Просто виски допил, что ты мне подарила.

– Всю бутылку?! Ну ты даешь! Чувствую – что-то не так. Рассказывай, а то я не усну сегодня.

– Ну ... вчера чуть в аварию не попал. Не хотел тебе говорить, но от тебя утаить ничего невозможно.

– Ой! ... Ты не пострадал? Правду пожалуйста говори, умоляю!

Андрей рассказывал о происшествии во всех подробностях и не жалея эпитетов, а Ольга время от времени вставляла: «О, Господи!», «Слава Богу!», «Ангел Хранитель – это он тебя спас».

– Сейчас с девочками прочтем благодарственную молитву. И завтра в храме еще помолимся, – сказала Ольга, когда Андрей закончил.

– А я тоже завтра в церковь еду. Причаститься хочу. Но это не потому, что вчера произошло, – поспешил добавить Андрей. – Я давно собирался покаяться в самом большом своем грехе. Ну, ты знаешь сама. Прости меня, пожалуйста, за все!

– Андрюша, я тебя прощаю. Пусть Бог простит! Он милостив.

– Ты у меня самая лучшая на свете! Я тебя очень люблю! А еще я хотел сказать, что очень счастлив с тобой. А самые счастливые годы были, когда девчонки были маленькие, когда денег едва на еду хватало, когда все время уходило на детей, когда мы полночь пили с тобой чай на кухне, слушали радио и радовались, что малышки наконец уснули.

– Ну, вот ... а тогда ты этого не понимал, – то ли с досадой, то ли укоризненно сказала Ольга.

– Да, глупый был.

– Андрюшечка мой милый! Я тебя тоже безумно люблю и все время благодарю Бога за то, что Он тебя мне послал.

– Я целую тебя и девочек! До свидания, Оленька!

– До свидания, родной мой! Будь пожалуйста осторожен! Я тебя тоже целую много раз!

– Ну, клади трубку.

– Нет, ты первый.

– Хорошо – давай одновременно, на счет «три».

Андрей вслух досчитал до трех и положил трубку, но долго еще не убирал руку, словно пытаясь удержать незримую нить, связующую его с родным человеком. Он смотрел на огонь, который из неистового молодого пламени превратился в пышущие жаром угли, и погружался в удивительное состояние умиротворенности, смешанной с грустью. Мысли были какие-то хаотичные. Они то перескакивали, то плавно перетекали друг в друга. Дрова время от времени потрескивали, но их звуки долетали до Андрея как-бы издали. Мягкая теплота окутывала и погружала в сон.

Проснулся Андрей от холода. Угли в камине догорали, и их мерцание было единственным, что освещало темную, холодную гостиную. Поежившись, Андрей взглянул на часы, висевшие над камином. В темноте их стрелки были едва различимы, но все же он понял, что время близилось к полуночи. «Надо бы завтра пораньше выехать», – подумал Андрей. Наскоро умывшись, он лег в кровать. Одеяло и подушка были ужасно холодными. Чтобы хоть немного согреться, Андрей свернулся клубочком и укрылся с

головой. Вскоре вновь пришло ощущение тепла, и он растворился в глубоком, но тревожном сне. Ночные видения накатили чудовищной фантазмагорией образов и звуков.

Последними в череде замысловатых сновидений были крики ворон, которые сидели на верхушках сосен, покрытых снегом, истошно галдели и по очереди пикировали на Андрея, пытаясь сорвать с него шапку. Хотелось убежать из этого страшного леса, но его ноги увязли в сугробах, и он только отбивался от налетающих птиц.

В очередной раз мотнув головой, Андрей открыл глаза и еще несколько мгновений не мог понять, что происходит. Крики ворон продолжались, хотя он был в своей спальне. Повернувшись к окну, он увидел пальму и ибисов, сидящих на соломенной крыше соседнего дома. Это их крики были так похожи на воронье карканье. В семье Андрея этих птиц все называли птеродактилями, с легкой руки старшей дочери, которая, впервые увидев, как они летят, была поражена их сходством с доисторическими животными.

Андрей откинулся на подушку и расслабился было, потом резко приподнялся и взглянул на стоявший на тумбочке будильник, который он вчера забыл включить. Стрелки показывали половину девятого. До начала исповеди в церкви оставалось всего полчаса.

На шоссе, ведущем в Йоханнесбург, в воскресенье утром было относительно свободно. В будни здесь поток машин во всех четырех полосах такой, что движешься не быстрее велосипеда. Сейчас же Андрей ехал со скоростью в сто шестьдесят, время от времени перестраиваясь из ряда в ряд, чтобы обойти, как ему казалось, сонных водителей. Он притормаживал, лишь когда приближался к мостам, несущим поперечные дороги. Укрытия под такими мостами – излюбленные места дорожной полиции для установки видеокамер, которые фотографируют номера слишком быстрых машин.

Не раз и не два уже Андрей получал по почте штрафные квитанции из полиции. Заплатил он, правда, только однажды, да и то лишь потому, что этот штраф пришел повторно. Остальные квитанции он просто проигнорировал – если не присылают еще раз, значит, либо забыли, либо не уверены, что смогут доказать его виновность в суде. Так ему объяснили местные жители – буры. Впрочем, он не очень-то им верил. Одного его русского знакомого недавно остановил дорожный патруль и, после недолгой проверки по компьютерной базе данных, арестовал его, как злостного неплательщика штрафов. Андрей поэтому испытывал легкое возбуждение и страх, когда бросал взгляд на спидометр. Но медленнее он ехать не мог. Он спешил в церковь и очень хотел успеть на исповедь, которая должна была начаться уже пять минут назад, а пути было еще около двадцати километров.

Русская церковь была на полпути между Преторией и Йоханнесбургом – в маленьком городке Мидранд. Ее золотые купола были видны с шоссе километров за пять. Построили ее совсем недавно – всего несколько лет назад. Но на приходе был уже третий священник. Первого – отца Сергия, который приехал на голое место и основал приход, перевели в Канаду. Это была уступка грекам. Трудно ожидать от земных людей, будь то патриарх или простой иерей, полного отсутствия мирских интересов. Традиционно весь православный мир поделен на канонические территории, и Африка находится в ведении Александрийского Патриарха – грека. Увы, но появление здесь «чужого» православного прихода вызвало напряженность в отношениях с московским патриархатом. В конце концов разногласия удалось преодолеть, но отцу Сергию все же пришлось уехать.

Вторым был отец Филарет. Он принял приход от отца Сергия и поначалу служил в маленьком доме, в котором жил сам. Несмотря на свою мягкость и интеллигентскую щепетильность, он оказался талантливым организатором. Сумев найти спонсоров в лице компании с труднопроизносимым названием «Стройтрансгаз», он начал строительство настоящего пятикупольного храма.

Отца Филарета тоже перевели. Но это был триумф. Храм, который он построил, освящал сам Митрополит Кирилл, а новый к тому времени греческий митрополит

присутствовал на освящении и, в отличие от прежнего, показывал, что искренне рад этому событию. Отец Филарет был произведен в сан игумена и отправлен в Страсбург представителем Русской Церкви в Европейском Союзе. Это был человек необыкновенно умный и талантливый. Андрей был уверен, что отец Филарет непременно станет митрополитом, а может быть, и патриархом, лет этак через двадцать.

На смену несколько сдержанному монаху Филарету приехал молодой, брызжущий энергией отец Иоанн. У него уже было две дочки, а вскоре родился еще и сын. Весь приход просто души не чаял в этом милом малыше. Женщины наперебой предлагали матушке свою помощь. Каждой хотелось подержать мальчика на руках. Наверное, поэтому он и болел часто – ведь от инфекций не уберешься при таком множестве людей вокруг.

Отец Иоанн, как и его сын, нравился почти всем. Его улыбка располагала к откровенности. Даже когда он укорял кого-нибудь или распекал хор за фальшивые ноты, это воспринималось по-дружески и без обид. Андрею иногда казалось, что он даже через чур свой – «свой в доску», как говорится. Андрею это мешало исповедываться – как будто приятелю душу открываешь. Впрочем, отец Иоанн, слушая исповедь, всегда умел находить нужные слова, которые ставили все на свои места. Говорить о своих грехах с ним было не страшно, но как-то не хотелось углубляться в потаенные закоулки души.

Другое дело – предыдущий священник, отец Филарет. Андрей, как и многие, любил его, но побаивался. Нет, ничего грозного в этом добрейшем и мягком человеке не было. Просто в глазах Андрея он был воплощением совести. Страшнее всего были не укоризненные слова, на которые он был скуп, а его молчаливый сочувственный взгляд. Он словно видел человека насквозь, и это пугало.

Словом, и с тем, и с другим священником Андрей исповедывался не часто, всякий раз находя для себя оправдание. На предстоящую сегодня исповедь он настраивался долго. Вот решился, наконец, и, надо же, проспал. Какая досада!

В ворота церкви Андрей въехал, когда до начала службы оставалось всего пять минут. Исповедь, наверное, уже заканчивалась. Выскочив из машины, он бросился бегом по аллее, засаженной березками. Обычно Андрей подходил к этим деревьям и любовно трогал их листья и тоненькие стволы. Здесь, на другой стороне земли, они напоминали ему родные края. Но сейчас все мысли Андрея были только об одном: «Надо успеть». На колокольне уже стоял всегда улыбающийся Валера – скрипач из Большого театра, готовый разбудить окрестности призывным звоном. Андрей приветственно махнул ему рукой и вошел в храм, перекрестившись на пороге.

Отец Иоанн слушал исповедь какой-то женщины, которую Андрей видел впервые. Судя по всему, она была последней из тех, кто пришел исповедоваться. Андрей встал на то место, где обычно выстраивалась очередь исповедников, и нервно взглянул на часы. Оставалось три минуты. А женщина все говорила и говорила ... Отец Иоанн слушал, кивал головой и изредка вставлял какие-то фразы. Послышались звонкие удары колокола – пора было начинать литургию. Народ стал вставать на свои привычные места, в храм заходили те, кто ждал на улице. А исповедница все продолжала говорить. Наконец, отец Иоанн прочел разрешительную молитву, благословил исповедницу и отпустил. Взглянув на Андрея, он кивнул ему, сделал какой-то неопределенный жест и быстро ушел в алтарь.

Оставалось только гадать, что могли означать жесты священника. То ли это был молчаливый выговор за опоздание, то ли обещание принять его исповедь перед самым причастием. Так бывало не раз – если исповедников было много и не все успевали очистить душу перед началом службы, отец Иоанн выходил к ним перед причастной молитвой, выслушивал каждого и отпускал грехи. Андрей поэтому не терял надежды и решил стоять на этом месте до конца, хотя обычно он молился в левом приделе рядом с иконой Сергия Радонежского.

Причащаясь редко, Андрей каждый раз очень волновался перед исповедью. Сегодня к этому волнению добавились переживания из-за той ситуации, в которой он оказался. Чувство вины за свое опоздание перемешивалось с ощущением неопределенности: примет отец Иоанн его исповедь или нет. Андрей был настолько поглощен и подавлен этими переживаниями, что поначалу почти не замечал происходящего вокруг. Он механически крестился и вместе со всеми кланялся, когда священник махал в его сторону кадилом.

К моменту выноса Святых Даров он уже немного успокоился и оглянулся. В левом приделе, как раз на том самом месте, где обычно молился Андрей, стоял профессор Нельсон. Он был в строгом черном костюме. Ворот его ослепительно белой рубашки украшал галстук «бабочка». «Так одеваются либо на свадьбу, либо на похороны», – мелькнула у Андрея мысль. Рядом с Нельсоном стояла миловидная худощавая женщина лет шестидесяти. Одета она была тоже строго, но не так вызывающе, как он сам. Единственным, что бросалось в глаза, было ее жемчужное ожерелье – да, пожалуй, еще то, что она стояла с непокрытой головой.

Профессор заметил взгляд Андрея и дружески кивнул ему. Наклонив голову к своей спутнице, он что-то ей прошептал и указал глазами на Андрея. Женщина мило улыбнулась, а Андрей ответил им обоим приветственным кивком. Через некоторое время, следуя примеру прихожан, Нельсон подошел со свечкой к аналою в центре храма, зажег ее и поставил на подсвечник справа. Он задержался перед аналоем, разглядывая икону, но, в отличие от других, не поцеловал ее и не перекрестился.

Хор звучал великолепно. Андрей время от времени ловил себя на том, что уплывает вместе с его чудесным многоголосием и теряет связь с окружающим миром. В такие мгновения он заставлял себя вернуться на землю, мысленно произнося короткие молитвы о здравии своих родных, и просил прощения у Господа. Когда некоторые молитвы или отрывки из Евангелия читались по-английски, Андрей с любопытством поглядывал на Нельсона, на лице которого был написан живой интерес, словно он слышал все это впервые.

После «Символа Веры» чувство тревоги стало возвращаться. Андрей боялся и того, что исповедаться сегодня не получится, и того, что придется делать это на виду у всех. В то же время в глубине души теплилась трусливая надежда, что эта «чаша» минует его помимо его воли. Переполненный такими противоречивыми переживаниями, он вновь отвлекся от службы и не заметил, как настал критический момент: отец Иоанн вышел из алтаря с крестом и Евангелием и жестом подозвал Андрея.

Со смешанным чувством облегчения и испуга Андрей нетвердой походкой двинулся вперед. Ноги не слушались: то ли от долгого стояния, то ли от страха. Перекрестившись, он на несколько мгновений замешкался, не зная, как начать. Затылком он чувствовал, что все смотрят на него. Слышать прихожане его не могли, но состояние доверительности все равно не приходило. Хор молчал. Монотонный голос с балкона читал молитву.

– Грешен, батюшка, – наконец выдал из себя Андрей. – У меня много грехов: и в действиях, и в помыслах.

– Давайте, Андрей, поконкретней, – отец Иоанн поднял на него глаза и улыбнулся не то ободряюще, не то с нетерпением.

– Был несдержан в словах, излишне много выпил вчера спиртного, не всегда соблюдал посты по средам и пятницам, грешен гордостью и завистью, редко причащаюсь ..., – испуганно затараторил Андрей.

– Пойдите, пойдите, не надо все в кучу валить.

– Да, конечно. Эти грехи – они у всех почти одинаковы.

– Обо всех не надо. Давайте о себе.

– У меня есть один страшный грех, который перекрывает все остальное. Я давно хотел в нем покаяться. Не знаю даже, как и начать, – говорил Андрей, глядя в пол. Повисла пауза.

– Ну, ну, всякое бывает, – отец Иоанн испытующе посмотрел на него и осторожно добавил, – С мужчинами иногда случается ... это.

Андрей вздрогнул и поднял удивленный взгляд:

– Отец Иоанн, да Вы что?! Я вовсе не имел ввиду ничего такого!

– Простите, ради Бога! Я тоже ничего не имел ввиду, – смутился отец Иоанн.

– Я чувствую себя виновным в том, что произошло с нашей страной, в том, что она распалась, в гибели и несчастьях великого множества людей. Я виновен в нищете стариков, в сиротстве детей, в том, что многие вынуждены жить на чужбине и лишили своих детей родины. Не подумайте, пожалуйста, что я сошел с ума. Все это действительно на моей совести. Во времена так называемой «Перестройки» я был активистом антиправительственного движения – борцом за демократию. Я искренне верил в свободу, да и сейчас верю. Я вовсе не хотел бы возврата к советскому прошлому. Но только то, что мы делали тогда, в реальности принесло вред нашему народу. Я, как и многие, принимал за чистую монету то, что нам внушали «друзья с запада», и был проводником их идей и политики. Это такие, как я, разрушили великую страну. Только оказавшись здесь, я понял, что был пособником и даже соучастником чудовищного преступления, – Андрей не мог продолжать. Комок в горле и слезы не давали ему говорить. Он достал из кармана платок и смахнул влагу со щеки.

Поняв, что продолжения не последует, отец Иоанн задумчиво начал говорить:

– Ну, ... что можно Вам сказать? Молитесь, молитесь и еще раз молитесь. И причащайтесь почаще. Бог милостив. Больше ничего не хотите добавить?

– Нет.

– Ну, тогда склоните голову.

Андрей встал на одно колено. Отец Иоанн накрыл его епитрахилью и прочел разрешительную молитву. Поднявшись, Андрей перекрестился и поцеловал Евангелие, крест и руку священника.

– Причащайтесь, с Богом, – сказал отец Иоанн. Андрей повернулся и, не глядя ни на кого, возвратился на место, где до этого простоял всю службу. Чувство облегчения от того, что все позади, смешивалось с досадой на себя. «Не то и не так надо было говорить», – думал он. – «Приехал бы пораньше, не скомкал бы все».

Андрей был несколько разочарован еще и тем, как буднично и спокойно отреагировал отец Иоанн на его выношенные в душе признания. С другой стороны, он понимал, что исповедь – это не визит к психоаналитику. Священник и должен быть таким – бесстрастным слушателем, через которого слова адресуются Богу. Впрочем, Бог и так знает все, и даже больше, чем мы сами знаем о себе. Суть покаяния как раз в том, что мы признаем свои грехи, и не просто в уединении перед иконой, а в присутствии живого свидетеля. Но свидетель не должен становиться ни адвокатом, ни, тем более, судьей.

Переполненный такими мыслями, Андрей встал со скрещенными на груди руками в череду причастников. Отец Иоанн, как обычно, повторил и по-русски, и по-английски, что к Чаше могут подходить только православные и только те, кто исповедался. Краем глаза Андрей заметил, что после этих слов священника вставший было в очередь на причастие Нельсон отошел и вернулся к своей спутнице.

После того, как служба закончилась и Андрей приложился ко кресту, к нему стали подходить друзья и знакомые с одним и тем же вопросом: «Что случилось? Все ли в порядке с Олей и девочками?». Ясно было, что его подавленный после исповеди вид, а может быть, и слезы на глазах, не остались незамеченными. Отвечая на вопросы, Андрей собрал все силы, чтобы выглядеть беззаботным: «Все в порядке. Девочкам очень нравится в России. Хотят возвращаться, когда здесь учебу закончат». Всех приводило в восторг высказывание его младшей дочери о том, что там можно по улицам ходить.

– Добрый день, Андрей! – сказал подошедший Нельсон.

– Здравствуйте, профессор Нельсон, – учтиво ответил Андрей. – Рад Вас видеть здесь у нас, хотя и в Вашей стране.

– Кобус, Кобус Я же просил Вас называть меня просто по имени, – с легкой шутливой укоризной в голосе возразил профессор. Чувствовалось однако, что ему лестно было выказываемое почтение. – А это моя жена, Ингрид. Я ей рассказал о нашей необычной встрече.

– Очень приятно познакомиться! – Андрей пожал протянутую женщиной руку.

– Какой у вас замечательный хор! – сказала она. – Я просто заслушалась.

– А Вы как-то связаны с искусством? – поинтересовался Андрей.

– В некотором смысле да. У меня музыкальный магазин в Бруклине. А с Кобусом мы часто ходим на концерты классической музыки.

– Ну, тогда вы должны знать одного из участников нашего хора. Это Валерий Андреев. Вон он там стоит у иконы Девы Марии. Он скрипач, играл в оркестре Большого театра. И здесь непрменный участник классических концертов. А еще он у нас в колокола чудесно звонит.

– Да, да. Я помню, видела его недавно на сцене.

– Андрей говорил мне, что среди прихожан у них есть англичане и даже буры, – вмешался в разговор профессор.

– Да, – сказал Андрей. – Вот как раз один из них, тот, что разговаривает с Валерием. Это Дэниел. Вам, как историку, судьба его семьи должна быть очень интересна. Она настолько удивительна, что, наверное, заслуживает быть описаной в каком-нибудь романе. Во время англо-бурской войны какой-то из его предков попал к англичанам в плен. Точно не знаю, но думаю, это был прадед Дэниела. Не буду вам рассказывать о том, как англичане содержали военнопленных в концентрационных лагерях. Вы все это лучше меня знаете.

– О, да! – покачал головой Нельсон. – Многие думают, что концлагеря – это изобретение Гитлера. А на самом-то деле их придумали англичане, и именно здесь, во время той ужасной войны.

– Ну, так вот, – продолжил Андрей. – Часть пленных англичане вывозили в лагерь, построенные в других своих колониях. Прадед Дэниела был тоже увезен и оказался на острове Цейлон. Условия жизни там были столь невыносимы, что доводили людей до отчаяния и самоубийства. Не раз и не два он и другие пленники видели, как у горизонта мимо острова проходили корабли. Мелькала мысль броситься в океан и искать спасения у моряков. Но море вокруг кишело акулами, не было сил от истощения, да и корабли быстро исчезали за горизонтом.

Однажды пленники заметили, что какой-то корабль встал на якорь неподалеку от острова. Ближе к ночи прадед Дэниела с несколькими товарищами решились, наконец, на отчаянный поступок. Пробравшись мимо охраны, которая не очень-то старательно стерегла выход к морю, они бросились в воду и поплыли к кораблю. Не знаю, всем ли удалось доплыть, но прадед Дэниела попал в число уцелевших. Корабль оказался русским – он шел в Петербург. Россия в то время была на стороне буров. Беглецов поэтому приняли с теплотой и участием. Их отвезли в Россию, где они прожили несколько лет, пока война не закончилась. Там прадед Дэниела принял православие. Когда он возвращался домой, то получил в подарок икону Сергия Радонежского. С тех пор в их семье все дети воспитываются православными.

Все эти годы они молились дома или ходили в греческий храм. Когда же узнали о возникновении русского прихода, то, конечно же, стали его частью. Живут они далеко и поэтому приезжать каждое воскресенье не могут, но по большим праздникам они всегда с нами. Наш храм, кстати, освящен в честь святого Сергия Радонежского.

– И впрямь поразительная история, даже трудно поверить, – сказал Нельсон. – А какова судьба той иконы?

– Я не знаю подробностей, но каким-то образом она оказалась в одном из местных музеев. Давайте я вас познакомлю с Дэниелом. Думаю, он сможет ответить на этот вопрос.

– Будем очень признательны. Это так невероятно!

Сопровождаемый четой Нельсонов, Андрей подошел к Дэниелу, который, как будто специально к случаю, был одет в вышитую «русскую» косоворотку, какие увидишь теперь разве что в кино. Лет сорока, русоволосый, с коротко остриженной окладистой бородой, он бы ничем не отличался от местных жителей где-нибудь в Костроме, не будь на нем этой нелепой театральной одежды. После короткого приветствия и традиционного русского троекратного поцелуя Андрей представил Нельсонов и Дэниела друг другу. Между ними завязался оживленный разговор на африкаанс. Воспользовавшись этим, Андрей удалился, жестом показав, что не прощается и еще побеседует с ними.

На самом-то деле разговаривать ни с кем он не хотел. После пережитых волнений было желание остаться в одиночестве, подумать. Андрей сразу бы уехал домой, если бы еще неделю назад не пообещал отцу Иоанну помочь развесить новые светильники в храме. Теперь приходилось ждать.

Почти никто не расходился сразу после службы. Церковь была единственным местом, где можно было пообщаться с соотечественниками. Внутри церковной ограды, кроме самого храма, находился еще двухэтажный дом священника и приходской центр с большим залом, кухней, библиотекой, кабинетом священника и двумя классами, где проходили уроки воскресной школы. Словом, места для того, чтобы поболтать с приятелями, вполне хватало. В зале всегда стояли столы, которые после службы накрывались для традиционного чаепития. «Ястия и питье» приносили сами прихожане. Так что, если у кого-то из них был повод, чаепитие перерастало в застолье с тостами или во здравие, или за упокой. Те, кто ходил в церковь регулярно, знали, что надо приносить что-нибудь к столу. Но и все случайные посетители принимались радушно, по-русски, и приглашались на трапезу.

В это утро в спешке Андрей схватил и бросил в багажник первое, что попало под руку. Это были гроздь бананов, пачка печенья и две двухлитровые бутылки из-под кока-колы, в которые был налит квас его собственного производства. Выйдя из храма, он вспомнил об этих бутылках и поспешил к машине. Несмотря на зимнее время и холодный воздух, африканское солнце прогрело машину, как теплицу. «Как бы бутылки не лопнули», – подумал Андрей. – «Надо было бы их сразу в холодильник поставить. Да времени не было».

Открыв багажник, он, к своей радости, увидел, что бутылки целы, только ужасно раздулись. Утром впопыхах он даже не захватил пластикового пакета. Поэтому теперь пришлось нести бутылки подмышками, держа в руках бананы и печенье. Представив, как он выглядит со стороны, Андрей улыбнулся.

– Что это ты за бомбы несешь? – со смехом спросил встретившийся на пути Валера.

– Коктейль Молотова, не видно разве? – в тон ему ответил Андрей. – Помог бы лучше.

– Ничего, партизаны – народ выносливый. Сам донесешь, а я к машине спешу – у меня там кое-что покрепче есть. Извини, да-ра-гой!

При входе в трапезную народ обступил Андрея и, немного посмеявшись, разобрал его поклажу. Всех интересовало, что же за жидкость в этих раздувшихся бутылках.

– Это ананасовый квас, – начал объяснять Андрей. – Я его сам делаю. Почти безотходное употребление ананасов, так сказать. Чищу ананас. Все, что в нем несъедобно бросаю в кастрюлю и варю, как компот. Можно добавить любые другие фрукты. После того, как компот остынет, вычерпываю и выбрасываю все, что варилось. В компоте растворяю сахар и бросаю дрожжи. Вот и все. Через два дня квас готов. Остается только процедить его через мелкое сито, и в холодильник.

– А пропорции какие? – задал кто-то практический вопрос.

– На пять литров компота полкило сахара и три чайных ложки дрожжей. Ну, это можно варьировать в зависимости от того, какой крепости хотите достичь.

– А что, там и градус есть?

– Ну, разумеется.

– Да, это просто брага получается, – решительно заявил Олег. – Мы в свое время в Афгане делали нечто подобное, только покрепче.

– Ну, можешь называть это, как хочешь. Только напиток очень вкусен и освежает. Правда, он сейчас теплый, надо бы в холодильник поставить, – ответил Андрей.

– Да ладно. Так выпьем. Остывать долго будет. Можно со льдом пить. Там в морозилке я видел целый мешок ледяных кубиков, – сказал Олег. – Открывайте, попробуем.

– Пойдите, пойдите, – вмешался Андрей, – Отец Иоанн еще ведь не благословил трапезу.

В это время на пороге появился Нельсон со своей женой, за которыми шел отец Иоанн, приглашая всех на чашку чая. Он прочел «Отче Наш», перекрестил яства и пригласил всех к столу. За спиной Андрея послышалось шипение. Обернувшись, он увидел Олега, отвинчивающего крышку с одной из бутылок с квасом. Андрей не успел остановить его. Из горлышка вырвалась струя пенистой жидкости. Она залила самого Олега и попала на черный костюм стоявшего неподалеку Нельсона.

– Ну, вот. Партизан все таки подорвал свою бомбу, – сострил вошедший Валера. Олег отставил бутылку, стряхнул с одежды капли кваса и с улыбкой сказал:

– Н...да, таких мин-ловушек даже дүхи не подсовывали.

Все засмеялись, но быстро смолкли, глядя на залитый квасом элегантный костюм профессора.

– Простите великодушно! – обратился к нему Олег по-русски.

– Он по-русски не понимает, – сказал Андрей полушепотом. Олег стал извиняться по-английски, предлагая сдать костюм в чистку за свой счет.

– Не переживайте, – ответил Нельсон. – Я в любом случае собирался сдавать его в химчистку. Здесь было несколько пятен. Теперь их стало чуть больше, только и всего.

– Простите, очень неловко получилось.

– Все в порядке. Забудьте об этом. Меня зовут Кобус, – он протянул Олегу руку.

– Очень приятно! А я Олег.

– Это профессор истории из нашего университета, – виновато вмешался Андрей. – А Олег инженер, в прошлом офицер, военный летчик. Может летать на любых видах вертолетов и самолетов. Да, ... а квас я принес. Так что, тут и моя вина. Прошу прощения!

Профессор решительным жестом остановил Андрея и сказал:

– Сколько тут у вас интересных людей! Со всеми хотелось бы поговорить. Жаль, что сегодня не получится. К сожалению, мне нужно уходить. В следующий раз обязательно задержусь подольше. Всего доброго!

Он элегантно поклонился кивком головы и позвал жену, которая в другом конце зала вела оживленную беседу с матушкой. Когда они ушли, кто-то сзади проронил:

– Ну вот. Заставили человека уйти. Кто же в грязном костюме стал бы тут сидеть?

– Он все равно бы ушел, – сказал Андрей. – Спешит смотреть матч по рэгби. Еще в пятницу мне об этом говорил. Но все же, правда, нехорошо получилось. Это я виноват.

– Приглашаю всех на рюмку чаю, – Валера показал пятилитровую коробку красного вина и озорно подмигнул. – Это не взрывается, гарантирую. Я пацифист.

Стоявшая на кухне Катя, жена Олега, стала подавать всем желающим бокалы для вина. Сев, наконец, за стол, Андрей расслабился и вновь погрузился в раздумья. После двухчасового стояния ноги гудели и ныла спина. Солнечный луч сквозь щель в шторах падал прямо на бокал, стоявший перед ним, и вино в нем светилось ярким рубином. За годы, прожитые в этой стране, Андрей стал настоящим ценителем хороших вин. Южная Африка была просто винным раем.

Виноделие здесь основали французские гугеноты, бежавшие от религиозных преследований несколько веков назад. Климат в районе Кейптауна оказался столь благоприятным для винограда, что их вина были одними из самых лучших в мире. Андрею доводилось пробовать и французские, и итальянские, и еще Бог знает какие, но ничего лучше южноафриканских вин ему до сих пор не встречалось. Здесь просто невозможно было найти плохое вино. Даже вот это простецкое из картонной коробки было приятным.

Андрей сидел с краю. Ребята за столом смеялись и шутили. Заводилой, по обыкновению, был Олег. Не отставал от него и Валера, который кроме абсолютного музыкального слуха обладал еще и острым языком.

– Ты что такой грустный? Из-за этого профессора переживаешь? – обратился к Андрею Олег с бокалом в руке. – По этому поводу хочу процитировать одну надпись, которую видел на стене в вашем университете в Претории. Ну, ты знаешь, на той стене, где всем разрешается писать и рисовать, что угодно. Так вот, там было написано по-русски: «Господа иностранцы, если вы завалили экзамен по латыни, то мне на это глубоко наплевать! Я лично его сдал».

Раздался дружный хохот. Андрей вяло улыбнулся. Разговор из сумбурного трепа стал переходить на политику, которая, впрочем, обсуждалась так же хаотично. Тут были и Косово, и Иран, и Украина ...

– Жаль, что Путин уходит! России, как известно, всегда не везло на царей. Вот впервые удача, а мы делаем реверанс Западу...

– Надо принять Сербию в состав России. Пусть будет, как Татарстан, со своим президентом. Вот тогда американцы умоются...

– Газопровод в Китай надо строить. Пусть Европа попробует тогда кочевряжиться...

– Давно надо было продавать газ только за рубли ...

Тут можно было услышать много умных и деловых предложений. Жаль только, что никто из сидящих за столом не обладал властью их реализовать. А может быть, и к лучшему, что не обладал.

– Предлагаю тост, – сказал Валера, понизив голос до шепота и оглядевшись, – За нас с вами и за хрен с ними!

– Отлично! Здорово! В точку!, – раздалась возгласы со всех сторон, и бокалы зазвенели, расплескивая вино на белую скатерть. Андрей слегка пригубил и поставил свой бокал.

– А квас я твой попробовал, – Олег ободряюще похлопал его по плечу. – И в самом деле отличная вещь. Ты мне потом пропорции напиши, буду делать.

– Слышу, тут за вашим столом квасной патриотизм разыгрался, – сзади подошел отец Иоанн и коснулся ладонями Олега и Андрея. Его голос и прикосновение мгновенно вернули Андрея в то состояние, в котором он был сразу после исповеди.

– А Вы, батюшка, выпейте с нами, – шутливо предложил Олег.

– Ну, отчего же нет ... для укрепления тела немного красного вина по воскресеньям дозволяется, – ответил отец Иоанн. Из кухни уже несли чистый бокал. После того, как всем налили вина, установилась тишина. Выжидающие взгляды были направлены на отца Иоанна.

– Ну, что ж ..., – сказал он, помедлив, – За возрождение нашей православной страны!

– Многие лета ей! – добавил Олег.

– Многая лета, многая лета ..., – пропели все неслаженным хором. Отец Иоанн чокнулся со всеми, начав с Андрея. Когда их взгляды встретились, Андрей понял, что его исповедь все же оставила след в душе священника, несмотря на кажущуюся бесстрастность, с которой тот отпускал ему грехи.

– А у кого именины? – раздался вопросы с других столов.

– Да ни у кого. Просто иногда бывает день возрождения чьей-нибудь души, – произнес отец Иоанн загадочную фразу, истинный смысл которой был понятен только Андрею.

Отец Иоанн ушел, все сели, а Андрей продолжал стоять с нетронутым бокалом вина в руке.

– Ты что? – спросил Валера. – Еще тост хочешь предложить?

– Да. Что-то вроде того, – ответил Андрей мрачно и, опережая реакцию друзей, продолжил, – Я хочу попросить у вас всех прощения. Я виновен перед вами, как и перед многими другими людьми. Это из-за меня вы живете здесь на краю света и пьете ананасовый квас. Дрянь это, а не квас, Олег. Настоящий квас может быть только там, дома. А Рождество должно быть со снегом и с елкой, а не с пальмой под палящим солнцем. Во времена Горбачева я был, как зомби, думал, что боролся за свободу и демократию. На поверку же оказалось, что мы страну свою разрушили. Скольким людям жизнь исковеркали! А сколько людей просто погибло! У меня руки в крови! Простите меня, если можете!

Андрей опустил на колени и склонил голову. По щекам его текли слезы. Вино расплескалось, залило кровавой краской его ладони и растеклось лужицей по полу. За столом воцарилось молчание, готовое в любой момент разразиться необдуманными репликами. Олег встал и решительным жестом приказал всем молчать. Он приподнял Андрея за локоть, осторожно забрал бокал из его нервно сжатых рук и повел его к туалетной комнате, где можно было умыться. Оглянувшись, Олег сделал друзьям еще один властный жест, который запрещал кому-нибудь идти следом.

– Что ж вы его так напоили безобразники? Как он теперь домой поедет? – кинулась из кухни Катя.

– Уйди, пожалуйста, дорогая. Он вообще не пил. – Олег так взглянул на свою жену, что та быстро удалилась на кухню. Олег не говорил ничего, пока Андрей не умылся и немного успокоился. Почувствовав, что настал момент, когда можно что-то сказать, он осторожно произнес:

– Мы все так или иначе виноваты. Не бери, Андрюха, все на себя.

– Не знаю, что со мной произошло, – подавленным голосом ответил Андрей. – Выглядел я дураком, полным идиотом. Теперь в глаза смотреть друзьям будет стыдно.

– А я наоборот, зауважал тебя еще больше. Не каждый решится на такое покаяние.

– Да, ну ..., махнул рукой Андрей.

– Хочешь, я отвезу тебя домой на твоей машине, а моя боевая подруга потом приедет и заберет меня?

– Спасибо! Не надо я в полном порядке.

– Уверен?

– Правда, правда. Ты же видел, что я не пил. Просто срыв какой-то произошел. Но это катарсис. Очищение. Я сейчас чувствую себя лучше, чем утром, когда сюда приехал, – Андрей улыбнулся и пожал Олегу руку. – Спасибо тебе, Олег! Я, пожалуй, поеду. Объясни Отцу Иоанну, что я не смог остаться. Обещал ему светильники повесить.

– Не волнуйся. Я с ним поговорю и сам за тебя поработаю.

– Спасибо! – Андрей вышел из туалетной комнаты и направился к выходу, ни с кем не прощаясь. Народ смотрел на него молча. Все уже знали, что произошло.

Проходя мимо кухни, Андрей увидел, что на столе стояла вторая, еще не открытая бутылка ананасового кваса.

Претория, 2008 г.